

ALEKSEY SURIN

University of Greifswald (Germany)

<http://orcid.org/0000-0001-6732-1085>

То, чего русское слово о себе не знало: генеративная ситуация и омоним в русско-израильской литературе

TO, CZEGO ROSYJSKIE SŁOWO O SOBIE NIE WIEDZIAŁO:

SYTUACJA GENERATYWNA I HOMONIM W LITERATURZE ROSYJSKO-IZRAELSKIEJ

Streszczenie: Artykuł bada mechanizmy sensotwórcze i samopowielanie w obrębie literatury rosyjsko-izraelskiej (RIL). Opierając się na teorii Romana Katsmana, opisującej tę literaturę jako replikator dyssypacyjny, autor odnosi się do nierozstrzygniętej dotąd kwestii dotyczącej zawartości owego replikatora. Główna teza zakłada, że fundamentem literatury rosyjsko-izraelskiej jest „sytuacja generatywna” — strukturalny stan powstający na styku zerwania z pierwotną przestrzenią kulturową a specyfiką Izraela, gdzie przybycie podmiotu jest przeżywane jako „powrót”. Ostatecznym urzeczywistnieniem tej sytuacji staje się „homonim” (pojęcie wprowadzone przez Aleksandra Goldsteina) — zjawisko, w którym rosyjskie słowo, zachowując swoją formę fonetyczną, wytwarza naddatek znaczeniowy nieistniejący autonomicznie ani w kulturze rosyjskiej, ani w izraelskiej. Do analizy tego przesunięcia semantycznego w artykule wykorzystano filozofię „gier językowych” i „form życia” Ludwiga Wittgensteina. Ewolucja sytuacji generatywnej została prześledzona na przykładzie twórczości Juliusa Margolina, Efraima Baucha i Gali-Dany Singer, ukazując przejście od jedynie pozycyjnego powrotu do w pełni zrealizowanej dwujęzycznej gry językowej.

Słowa kluczowe: literatura rosyjsko-izraelska, sytuacja generatywna, homonim, Wittgenstein, Goldstein, Katsman

WHAT THE RUSSIAN WORD DID NOT KNOW ABOUT ITSELF:

GENERATIVE SITUATION AND HOMONYM IN RUSSIAN-ISRAELI LITERATURE

Summary: This article explores the mechanisms of meaning-making and self-reproduction within Russian-Israeli literature (RIL). Building upon Roman Katsman's theory of RIL as a dissipative replicator, the author addresses the unresolved question regarding the specific content of this replicator. The core thesis posits that the foundation of RIL is the "generative situation"—a structural condition emerging at the intersection of a rupture with the original cultural space and the specificity of Israel, where the subject's arrival is experienced as a "return." The ultimate realization of this situation is the "homonym" (a concept introduced by Alexander Goldstein)—a phenomenon where the Russian word, while retaining its phonetic form, produces a surplus meaning non-existent in either Russian or Israeli cultures independently. To analyze this semantic shift, the paper employs Ludwig Wittgenstein's philosophy of "language games" and "forms of life." The evolution of the generative situation is traced through the works of Julius Margolin, Ephraim Bauch, and Gali-Dana Singer, demonstrating a progression from a mere positional return to a fully realized bilingual language game.

Keywords: Russian-Israeli literature, generative situation, homonym, Wittgenstein, Goldstein, Katsman

Введение

«Иностранный язык (какой?)» — так озаглавлена одна из ключевых глав романа израильского писателя Некода Зингера *Билеты в кассе* (2006). Вопрос, словно чеховское ружье, повешенный в скобках, чтобы не раз прицельно выстрелить на страницах книги, полезен и для тех, кто исследует русскую словесность в Израиле, так как предлагает неожиданную перспективу, которую можно сформулировать следующим образом: для русскоязычного писателя, живущего в Израиле и пишущего, как Зингер, на русском и иврите (а также делающего переводы с иврита, французского и английского), проблема не в том, владеет ли он иностранным языком, а в том, какой из его языков — иностранный. Русский? Иврит? Оба? Ни один? Сам Зингер в своем романе не дает однозначного ответа, а скорее последовательно отклоняет каждый предложенный вариант: писать на английском — значит раствориться в глобальном пространстве; перейти на иврит — значит «доставить удовольствие тем из соотечественников»¹, кто ждет полной ассимиляции. Вместо этого он находит другой путь — многоязычие как литературную практику, в которой нет привилегированного «родного» языка: «Дьявольски трудно переводить с одних иностранных языков на другие»², — замечает автор, фиксируя ситуацию, в которой все языки писателя оказываются одновременно иностранными.

Данный поиск новой системы координат, иронично сформулированный Зингером, обнажает ту сердцевину вопроса о языке, которую пытались и продолжают пытаться решить для себя многие авторы русскоязычной литературы в Израиле. Поэт Михаил Генделев назвал один из циклов своих путевых очерков, выходивших в литературном приложении «Окна» в начале 1990-х годов, *Письма нерусского путешественника*, инвертируя карамзинские *Письма русского путешественника* (1789–1790). Последнюю книгу стихов Генделев озаглавил *Из русской поэзии* (2006), где предлог «из» работает как омоним: стихи из недр русской поэзии — и стихи, вышедшие из нее, покинувшие ее пределы. В другом месте он писал о русско-израильской литературе (далее — РИЛ) как о «нерусской литературе на русском языке»³, афористично фиксируя разрыв между языком как инструментом и культурной принадлежностью

¹ Н. Зингер, *Билеты в кассе*, Гешарим / Мосты культуры, Иерусалим–Москва 2006, с. 406.

² Там же, с. 404.

³ М. Генделев, *Литературный пасьянс русского Израиля*, «22» 1986, Октябрь, <http://gendeleev.org/proza/o-literature/132-literaturnyj-pasyans-russkogo-izrailya-1.html> [дата обращения: 1.03.2026].

как содержанием и адресатом: язык отделяется от «родной» нации и служит медиатором другого исторического и культурного опыта. Формулу «нерусской» литературы подхватывали и другие: Мая Каганская писала о прозе Анри Волохонского и Эли Люксембурга в статье *Нерусский роман* (1983). Вильям Баткин назвал стихи Александра Воловика «нерусскими стихами на русском языке»⁴. Частица «не» в этих формулировках — не отрицание. Она не отнимает русскость, а прибавляет к ней новое измерение. Литература остается на русском языке — но русское слово в ней обнаруживает нечто, чего оно о себе не знало, пока не оказалось в Израиле. В одном из стихотворений Генделев нашел точный образ для понимания этого перерождения: «ещёрусалимской работы литьё с трещиной по серебру»⁵. Слово «ещёрусалимской» — это неологизм, в котором «еще» (процесс, который длится), «рус» (язык, идентичность) и «Иерусалим» слиты в единое целое. Корень «рус» обнаруживается внутри имени города — не привнесенный извне, а найденный, словно он всегда в нем присутствовал. «Литьё» — акт создания формы из расплавленного материала, а «трещина по серебру» — след переплавки, свидетельство того, что слово прошло через трансформацию и сохранило форму, но несет в себе присутствие того пространства, в котором оно было отлито.

Генделев и Зингер — два автора из разных поколений и с разной поэтикой — приходят к одному и тому же обнаружению: русское слово, оказавшись в этом пространстве, обнаруживает в себе то, чего не находило прежде. Но они не единственные и не первые. Русскоязычная литература в Израиле существует более ста лет⁶, и на протяжении всего этого времени каждое новое поколение совершает это обнаружение заново, не наследуя его от предыдущего. Перед нами, таким образом, не набор частных случаев, а устойчиво воспроизводящая закономерность, порождающая два вопроса: что именно обнаруживает русское слово в Израиле и почему это обнаружение воспроизводится от поколения к поколению. На второй из этих вопросов ответил Роман Кацман.

⁴ В. Баткин, Молю, Господь, поэтов сохрани! Из цикла «Литературные портреты израильских поэтов». Поэты Александр Воловик и Рина Левинзон, «Заметки по еврейской истории» 2011, № 12, <https://berkovich-zametki.com/2011/Zametki/Nomer12/Batkin1.php>.

⁵ М. Генделев, «Баллада», *Из русской поэзии*, «Время», Москва 2006, с. 20.

⁶ Р. Кацман, Неуловимая реальность: сто лет русско-израильской литературы, Academic Studies Press, Бостон 2020, с. 7–12.

В своей статье⁷, посвященной теории русско-израильской литературы, Кацман предложил рассматривать РИЛ как диссипативный репликатор⁸ — самовоспроизводящуюся структуру (понятие заимствовано из эпистемологии Дэвида Дойча), которая порождает новые литературные формы из хаоса репатриантской трансформации. Источником этой трансформации, по Кацману, является встреча русскоязычного еврея с «чудовищным двойником»⁹ — евреем-израильянином, — встреча, порождающая, в терминах Рене Жирара, миметический кризис, который каждый новый автор переживает заново. Этим объясняется устойчивость РИЛ: эта литература воспроизводит себя на протяжении более ста лет не благодаря институциональной поддержке или широкой читательской аудитории (ни того, ни другого у нее нет), а потому, что сам кризис воспроизводится с каждой новой репатриацией.

Теория Кацмана описывает структуру репликатора и отвечает на вопрос «почему»: почему РИЛ воспроизводится и почему каждое поколение начинает заново. Вопрос о содержании — что именно воспроизводится, что русское слово обнаруживает в себе, оказавшись в Израиле, — остается открытым. Настоящая статья предлагает ответ на этот вопрос.

Наш тезис состоит в следующем: содержанием русско-израильского репликатора является генеративная ситуация — структурное условие, при котором русское слово, оказавшись в Израиле, попадает в поле иной социокультурной повседневности и обретает способность производить смысл, не существовавший вне этого конкретного пространства. Генеративная ситуация определяется совпадением двух условий: разрыва с прежним пространством и специфики точки прибытия — Израиля, где, как показал Кацман, русскоязычный еврей встречает «чудовищного двойника» и переживает миметический кризис, невозможный при эмиграции в другие страны. Эта ситуация универсальна для всей РИЛ независимо от волны эмиграции, биографии автора и тематики текста и составляет то, что отличает РИЛ как от русской литературы в России, так и от русской литературы в эмиграции. В своей предельной форме генеративная ситуация порождает то, что мы, вслед за

⁷ Р. Кацман, *К разговору о теории русско-израильской литературы. Начало. В преддверии выхода новой книги автора История русско-израильской литературы* (Academic Studies Press, Boston), "Iudaica Russica" 2025, nr 1 (14), с. 1–27.

⁸ Там же, с. 14.

⁹ Подробнее об этом см. также: Р. Кацман, *Русско-израильская литература и чудовищный двойник*, "Iudaica Russica" 2023, № 2 (11), с. 1–24.

Александром Гольдштейном, называем омонимом: русское слово, сохраняя свое звучание, производит смысл, не существующий ни в русском, ни в израильском культурном мире по отдельности. Не каждая реализация генеративной ситуации достигает этого предела, но условия для его возникновения присутствуют в каждой.

Для описания того, как омоним возникает и как он функционирует в текстах РИЛ, мы обращаемся к теории языковых игр позднего Витгенштейна, которая позволяет описать условия, при которых русское слово обретает значение внутри конкретной формы жизни, и условия, при которых оно способно функционировать на пересечении двух таких форм.

Статья строится на анализе корпуса текстов, репрезентирующих РИЛ в ее хронологическом и жанровом разнообразии. *Путешествие в страну Зе-Ка* Юлия Марголина (1952) рассматривается как один из хронологически первых и значимых примеров генеративной ситуации в ранний период РИЛ; *Лестница Иакова* Ефрема Бауха (1987) — как иная ее реализация, развернутая через систему дантовских реминисценций; поэзия Гали-Даны Зингер — как наиболее последовательное воплощение языковой игры на пересечении русского и иврита.

Репликатор и вопрос о содержании

Теория Кацмана исходит из наблюдения, которое само по себе требует объяснения: РИЛ с 1920-х годов воспроизводит себя как устойчивая система, невзирая на условия, объективно затрудняющие ее существование. Лишенная крупной читательской аудитории и институционально периферийная по отношению как к ивритоязычному израильскому, так и к российскому литературному процессу, она тем не менее продолжает производить тексты, сохранять сообщество и передавать культурные коды.

Кацман описывает работу репликатора как четырехфазный скрипт. На первой фазе — сингуляции — событие репатриации «синкопируется», изымается из непосредственного проживания настоящего, и в образовавшейся пустоте возникает коллапс, удерживающий в подвешенном состоянии все значимые возможности. На второй фазе столкновение этих возможностей порождает детерминистический хаос — взрывное многообразие нелинейных состояний, в котором разворачивается кризис неразличимости и встреча с «чудовищным

двойником», евреем-израильянином. На третьей фазе из этого хаоса рождается диссипативная структура: новое знание, воплощенное в новой культурной форме, несводимой к тому, что ей предшествовало. На четвертой — это знание возвращается в настоящее, становясь частью культурного габитуса и запуская цикл заново¹⁰.

В контексте своей *Истории русско-израильской литературы* Кацман определяет РИЛ как литературу, производящую прибавочный смысл — смысл, который не сводится ни к русскому, ни к израильскому компоненту в отдельности и превосходящий их простое сочетание¹¹. С эстетической теорией Дойча Кацман связывает понятие «трудно подделываемого сигнала»¹²: искусство, по Дойчу, есть передача сигналов при помощи механизмов, рассчитанных на то, чтобы читатель воспринял их как объективную красоту и приращение знания. Русско-израильский репликатор, по Кацману, и является таким механизмом. Понятие «прибавочного смысла» существенно для нашего анализа: оно указывает на то, что репликатор производит нечто, несводимое к сумме составляющих, — но не специфицирует, что именно это нечто собой представляет.

Кацман также предлагает объяснение невидимости РИЛ для внешней аудитории, различая два принципиально разных явления. Первое — случайные, в принципе преодолимые сбои: читатель не обладает механизмом воспроизведения русско-израильского репликатора (межкультурная некомпетентность, которую Кацман, вслед за Дойчем, называет «парохиальной» проблемой, решаемой просвещением), либо текст утрачивает необходимое качество — репликатор дезинтегрируется, и трудно подделываемый сигнал не проходит. Второе — имманентная непередаваемость: в саму структуру репликатора заложена невозможность передать произведенное им знание. Согласно четырехфазной схеме, репликатор порождает знание из настоящего момента трансформации, но передать это настоящее другому невозможно: любая трансмиссия требует времени, а значит, настоящее, производящее знание, к моменту передачи уже исчезло. Остается лишь сам репликатор, и каждый новый автор вынужден заново изобретать его едва ли не с нуля. Кацман описывает эту ситуацию через аналогию с принципом неопределенности Гейзенберга:

¹⁰ Р. Кацман, *К разговору...*, с. 15–17.

¹¹ Р. Кацман, *История русско-израильской литературы*, рукопись.

¹² Р. Кацман, *К разговору...*, с. 20.

невозможно одновременно обладать настоящим временем и знанием о нем¹³.

Кацман, опираясь на Дойча, определяет содержание репликатора как знание об эмерджентности — знание о том, как порождать новые формы из трансформационного хаоса. Это определение интересно, но абстрактно: оно описывает содержание любого диссипативного репликатора, а не специфически русско-израильского. Что именно отличает знание, порождаемое русско-израильским репликатором, от знания, порождаемого любой другой литературой в условиях хаоса? Понятие прибавочного смысла — смысла, не сводимого ни к русскому, ни к израильскому компоненту, — указывает направление, но не дает ответа. Трудно подделываемый сигнал подтверждает, что ответ существует, — но не называет его. Это не упрек теории: Кацман решает иную задачу. Но именно эта лакуна открывает пространство для настоящей статьи.

Генеративная ситуация и омоним

Для точного описания того, что воспроизводит репликатор, необходимо прежде всего определить ситуацию, в которой его содержание возникает. Мы называем ее генеративной ситуацией РИЛ. Для ее возникновения необходимо совпадение двух условий. Первое — разрыв: носитель русского языка покидает пространство, в котором этот язык являлся языком большинства, культурной нормой и средой. Второе — специфика точки прибытия: Израиль — единственное пространство, в котором прибытие русскоязычного еврея определяется как возвращение, а не эмиграция. Именно этот дуализм — отчуждение от привычных практик и соприкосновение с израильским культурным и языковым ландшафтом — заставляет русское слово функционировать внутри принципиально иной формы жизни, обнаруживая в нем смысловые обертоны, которые оставались фигурально немymi вне данного контекста. Эту ситуацию мы называем структурной, поскольку она определяется не биографией конкретного автора, а самим положением русского языка в израильском пространстве — положением, инвариантным для всех авторов РИЛ.

Форма разрыва не определена заранее и исторически варьируется. Для Юлия Марголина это опыт выживания в ГУЛАГе

¹³ Там же, с. 23–24.

и возвращение в Эрец-Исраэль; для авторов волны 1970-х годов — культурный нонконформизм и борьба за выезд из СССР; для авторов большой алии 1990-х — распад советского мира и открытие границ, сделавшее репатриацию массовой; для волны, начавшейся с полномасштабной войны России против Украины в феврале 2022 года, — разрушение возможности продолжать независимую культурную жизнь на русском языке в России. Инвариантным во всех случаях является не конкретная форма разрыва, а структура: носитель русского языка оказывается в пространстве, которое определяет его прибытие как возвращение, и его слово оказывается соотнесено с формой жизни, претендующей на то, чтобы быть его собственной.

Наша гипотеза состоит в том, что именно генеративная ситуация — а не какой-либо конкретный ее результат — и есть то, что репликатор воспроизводит. Если это так, то она должна обнаруживаться у каждого автора РИЛ — но не обязательно в одной и той же форме. Анализ покажет, что генеративная ситуация реализуется на разных уровнях: от разрыва, порождающего русскоязычный текст в Израиле, до предельной формы, в которой русское слово функционирует на пересечении двух языковых миров и производит смысл, не существующий ни в одном из них по отдельности. Эту предельную форму мы, вслед за Александром Гольдштейном, называем омонимом.

Понятие омонима предложено в эссе *Темис, или средиземная почта* из книги *Расставание с Нарциссом* (1997). Точнее, оно принадлежит собеседнику Гольдштейна — Сергею Мельникову. Происхождение этого понятия существенно для его смысла. Разговор состоялся в Баку летом 1989 года; ни Мельников, ни Гольдштейн в Израиле не бывали и рассуждали, по признанию автора эссе, «интуитивно и гипотетически»¹⁴. Понятие омонима рождается до опыта — как теоретическая проекция возможного.

Видение Мельникова таково: русская литература могла бы достигнуть своего инобытия, создав словесность на русском языке, всецело принадлежащую иному, не русскому геомифологическому миру. Русское слово в Израиле — не копия российского, не его перевод и не его ответвление: оно звучит так же, но рождается из принципиально иной формы жизни — и потому означает иное. Гольдштейн именует это вспышкой омонима¹⁵: одно и то же звучание, несущее принципиально иное содержание и принадлежащее принципиально иному

¹⁴ А. Гольдштейн, *Расставание с нарциссом*, НЛО, Москва 1997, с. 184.

¹⁵ Там же.

культурному миру. Не заимствование, не влияние, не интертекст — а изменение бытия слова в результате изменения места. Слово и его двойник движутся навстречу друг другу, но в точке встречи их ждет не взаимное признание, а то, что Гольдштейн называет «благодетельным неузнаванием»¹⁶: слово, укоренившееся в новом мире, несет в себе весь его исторический и экзистенциальный контекст, и тем самым становится иным словом.

Путь от генеративной ситуации к омониму не предзадан — он обнаруживается в анализе конкретных текстов, репрезентирующих разные эпохи и разные формы русскоязычного письма в Израиле.

Путешествие в страну Зе-Ка (1952) Юлия Марголина — текст, написанный по-русски в Тель-Авиве о советском лагерном опыте его автора¹⁷, — позволяет увидеть генеративную ситуацию в ее начальной форме. Оба условия здесь присутствуют. Разрыв — радикален: в главе *Non Omnis Moriar* Марголин описывает, как алиментарная дистрофия в лагерном госпитале разрушает его память; повторяя оду Горация (III, 30), он обнаруживает провал на словах «Non omnis moriar» — «не весь я умру» — и дает себе обет не умереть, пока не свяжет порванную нить. Специфика точки прибытия — столь же определена: «В отличие от других евреев я твердо знал, где мой дом. Дом мой находился в Палестине». Марголин — не эмигрант: он возвращается домой и исполняет свой обет именно там. Это отличает его ситуацию от гипотетического русского автора в Париже: текст написан не из эмиграции, а из дома — из пространства, которое автор сознательно определяет как свое.

Однако второе условие, присутствуя как позиция, не реализуется как столкновение. Русский язык «Путешествия» несет в себе память европейской цивилизации — Горация, Кампанеллу, Спинозу, — но не вступает во взаимодействие с ивритоязычным миром. Марголин определяет себя как свободного «человека Запада»¹⁸; его дом — Тель-Авив, место, откуда он свободно свидетельствует о своем страшном опыте, но (пока еще) не пространство, с которым его русское слово сталкивается. Генеративная ситуация здесь реализована как позиция возвращения, порождающая русскоязычный текст в Израиле, но русское слово не оказывается соотносено с иной формой

¹⁶ Там же, с. 185.

¹⁷ Подробнее о Марголине и его творчестве см.: В. Хазан, *Европеец высокой пробы* (о писателе Юлии Марголине), «Sdvig / Shift» 2023, № 1, с. 15.

¹⁸ Ю. Марголин, *Путешествие в страну Эжа*, т. 1, «Студия Клик», Иерусалим 2016, с. 32.

жизни: оно обращено к тому миру, из которого автор вышел, а не к тому, в который он прибыл.

Роман Ефрема Бауха *Лестница Иакова* (1987) реализует генеративную ситуацию иначе. Баух, эмигрировавший из СССР в 1977 году, строит повествование так, что оба ее условия получают сюжетное воплощение: разрыв предстает как советская Москва, уподобленная дантовскому аду и его девяти кругам, из которого герой стремится вырваться; возвращение — как Иерусалим, к которому направлено все движение текста.

Главный герой, московский психиатр Эммануил Кардин, работает в советских психиатрических больницах. Один из его пациентов, художник Плавинский, сохраняющий живую связь с еврейской традицией, постепенно пробуждает в Кардине вытесненную память. В детстве врач учил иврит с ребе Пружанским, изучал Танах и Талмуд, однако это знание оказалось подавлено десятилетиями ассимиляции и сведено к «чепухе, детским бредням»¹⁹. Столкновение с ивритскими буквами в рисунках Плавинского запускает процесс узнавания: «Бэрешит бара элоим... Вначале создал Бог... Дальше не помню, или нет...»²⁰. Память героя «отверзается»²¹ — текст использует библейский глагол, сближающий акт воспоминания с откровением. Ряд ключевых эпизодов организован вокруг этого возвращения, главным образом, через визуальное и телесное осмысление языковых знаков, превращающее абстрактную форму букв в физически осязаемое пространство памяти.

В одном из них, Плавинский противопоставляет русский алфавит — «такой уютный, так и стремится скрыть острые углы, соединиться, закруглиться. ‘Слова нам даны, чтоб скрывать мысли’, кажется, так?» — и алфавит иврита, который «весь — багры, крючья, вертела... Каждая буква — напоминание и предупреждение, за каждой — геенна». Для героя русский язык функционировал как среда ассимиляции, в которой утрачивалась связь с ранним опытом; однако именно в нем впервые артикулируется возвращающееся знание: библейская формула вспоминается по-русски, и через русскую речь в текст входят ивритские элементы. Тем самым посредник не устраняется, а переопределяется: он начинает не маскировать, а проводить чуждый ему материал. В другом эпизоде эта логика получает образное выражение: «Эти [ивритские] согласные — камни иудейских гор, твердая структура языка: с согласной на

¹⁹ Е. Баух, *Лестница Иакова*, «Мория», Тель-Авив 2001, с. 20

²⁰ Там же.

²¹ Там же, с. 43.

согласную взбираешься, как по ступеням, а гласные извлекаются из Давидовой арфы теми же ветрами в междухолмьях Иерусалима»²². Русское слово здесь уже не экранирует, а будто материализует иное языковое тело.

Иврит в романе присутствует в двух режимах. С одной стороны, как объект описания — персонажи обсуждают буквы, наделяют их характеристиками, интерпретируют их форму. С другой — как фактор внутреннего преобразования: возвращение языка сопровождается переходом героя от ассимиляции к собственной еврейской идентичности. В письме Кардина из Иерусалима, обозначившем финал романа, это проявляется в смене системы отсчета: русская фраза уже включает еврейское летосчисление — «лето пять тысяч семьсот сорок первого со дня сотворения мира»²³. Однако оба типа присутствия принадлежат миру героя. Иврит входит в сознание Кардина и в его речь — но не входит в сам язык романа. Баух пишет по-русски о герое, который открывает для себя иврит, — и русский язык романа остается инструментом описания этого открытия, а не пространством, в котором оно совершается. Встреча тематизирована — но еще не стала свойством самого письма.

Сопоставление с Марголиным позволяет зафиксировать сдвиг. Если в его случае разрыв и возвращение заданы, но не приводят к языковому столкновению, то у Бауха оно становится центральным событием — пусть и локализованным внутри художественного мира. Таким образом, генеративная ситуация переходит от позиции к тематизированному процессу. Возникает, однако, следующий вопрос: что происходит, когда встреча перестаёт быть предметом изображения и становится условием самого высказывания — когда слово функционирует на пересечении двух языковых миров? Для описания этого предела необходим иной инструмент — анализ тех условий, при которых значение возникает внутри конкретной формы жизни и может смещаться между ними. Такой инструмент предлагает теория языковых игр позднего Витгенштейна.

Языковая игра и форма жизни: условия омонима

В *Философских исследованиях* (1953) Витгенштейн понимает язык не как систему знаков, соотнесенных с фактами мира, но как деятельность, вплетенную в форму жизни — в совокупность

²² Там же, с. 204.

²³ Там же, с. 542.

практик, действий и контекстов, внутри которых слова обретают значение. «Языковой игрой я буду называть также единое целое: язык и действия, с которыми он переплетен»²⁴. Ключевой принцип: значение слова определяется не его внутренним свойством, а его употреблением в конкретной практике. Из этого следует — и здесь мы экстраполируем витгенштейновский принцип на ситуацию РИЛ, — что одно и то же русское слово, актуализированное в разных системах речевой деятельности, меняет свою семантическую траекторию. Русский язык в Израиле подчинен иному режиму координации слов и языковых действий, чем в России: иврит, еврейская историческая память, израильский ландшафт и повседневность составляют ту практику, внутри которого русское слово обретает дополнительные поля смыслов, не верифицируемые вне этого географического и культурного контекста. Полноценная языковая игра на пересечении двух форм жизни — то, что мы называем омонимом, — возникает тогда, когда русское слово не описывает встречу с ивритоязычным Израилем, а само располагается на их пересечении и производит смысл, не существующий ни в одной из них по отдельности.

Наиболее последовательным воплощением этого механизма является поэзия Гали-Даны Зингер. Зингер, репатриировавшаяся в 1988 году, живет и пишет в Иерусалиме на двух языках — русском и иврите — с равной степенью профессионального и творческого вовлечения²⁵. Уже в раннем стихотворении *Как лорд Байрон, z"l...* (1990) обнаруживается принцип, определяющий все ее дальнейшее письмо: «Двойная жизнь и смерти не одной»²⁶. Перед нами формула не двуязычия, а двойного существования: «на две свои бессмертнейшие жизни / и каждая из них в своей отчизне»²⁷. Стихотворение не просто вводит ивритские элементы в русский текст — оно создает словесные формы, функционирующие в двух языковых играх одновременно. «Русизмы тянут за собою кущи / переносной диаспоры носилки»²⁸: «кущи» — одновременно русское поэтическое слово для описания тенистой кроны деревьев и перевод ивритского «суккот»; «переносной» — и буквально: диаспора есть то, что несут с собой, и в переносном смысле: сама

²⁴ Л. Витгенштейн, *Философские работы: часть первая*, Гнозис, Москва 1994, с. 84.

²⁵ Добавим, что также Зингер пишет стихи на английском и делает переводы с английского.

²⁶ Г.-Д. Зингер, *Как лорд Байрон, т"ז*, вставший на сторону палестинских беженцев, поздравил себя по телефону в праздник Суккот. *Подражание Адель Кильке*, «Скопус-2», Иерусалим 1990, с. 153.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же.

метафоричность языка. В таких точках — где русское слово, не переставая быть русским, производит смысл, возникающий лишь при одновременной активации обеих языковых игр, — и рождается омоним.

Стихотворение *Тут* (2002) дает точное определение этого состояния: «сменяя / двух языков ободранную кожу / на жалящий себя ж раздвоенный язык»²⁹. Двужычие здесь — не владение двумя инструментами, а практически телесная трансформация: два языка — ободранная, содранная кожа; то, что приходит ей на смену, — раздвоенный язык, уже не два и не один, и не сумма двух языков, а третье состояние, — новая природа, возникающая из их столкновения.

Наиболее концентрированным примером этой языковой игры служит само название книги, в которую включено стихотворение *Тут: Осажденный Ярусарим* (2002). Слово «Ярусарим» не существует ни в русском, ни в ивритском языке — оно возникает только на их пересечении. В нем слышен Иерусалим (ивр. Ерушалаим), но слово перестроено изнутри: «арим» — «горы» на иврите, а между ними — «рус», прочитываемое и как этноним, и как местоименное «я — рус». В этом неологизме Иерусалим перестает быть ивритским топонимом и становится русско-ивритским словом, в котором присутствие русского субъекта вписано в сам ландшафт. Для русскоязычного читателя слово распадается на узнаваемые фонетические элементы и может быть прочитано как намеренно деформированное «Иерусалим»; для ивритоязычного — оно отсылает к знакомому топониму, но одновременно создает эффект смыслового смещения. Особая выразительность этого слова состоит в том, что оно не совпадает ни с одной из языковых норм, а образует смысл только в самом акте двужычного чтения. Именно здесь уместно говорить о витгенштейновской языковой игре: смысл слова определяется не его абстрактной сущностью, а способом употребления внутри определенной формы жизни. «Ярусарим» не обозначает город как нейтральный топоним; оно производит отношение между языком, местом и говорящим субъектом. Поэтому его значение не предшествует употреблению, а возникает вместе с ним, в акте двужычного распознавания.

В позднем стихотворении *Десять дней возвращения* (2022) Зингер тематизирует саму эту языковую стратегию, строя стихотворение на трех языках одновременно: «Ты различаешь / Только один язык / לשון אחד שפה אחת / One language / Тишины /

²⁹ Г.-Д. Зингер, *Осажденный Ярусарим*, Гешарим / Мосты культуры, Иерусалим–Москва 2002, с. 43.

А в нем три говора»³⁰. «Один язык» написан на иврите, русском и английском — и каждая из трех фраз означает одно и то же. Тем самым различие между языками не устраняется, но оказывается включено в более широкий образ единого языка, внутри которого отдельные языки предстают как «говоры». Зингер называет его «языком тишины» и «языком прямоты» — метафизическим пространством, предшествующим любому конкретному языку. Динамика языковой игры Зингер преобразует лиминальный переход между языками в перцептивное событие: так манифестирует себя автономный модус существования, чья топология принципиально не сводима к сумме исходных лингвистических кодов.

Теперь можно точно соотнести три ключевых понятия, определяющих структуру РИЛ. Генеративная ситуация задает универсальное условие: носитель русского языка оказывается в пространстве, где его прибытие переживается как возвращение. Витгенштейновская форма жизни объясняет механизм смыслопроизводства: русский язык, вплетенный в иную языковую практику, обнаруживает потенциал, который не мог реализоваться в исходном контексте. Русско-израильская языковая игра, в свою очередь, становится конкретным способом активации этого потенциала — через двуязычные сдвиги, омонимии и контаминации.

Языковая игра на пересечении двух форм жизни — не универсальный механизм всей РИЛ, но механизм реализации омонима: то, что происходит, когда генеративная ситуация достигает своего предела. Именно поэтому репликатор воспроизводит не омоним, а генеративную ситуацию — то структурное условие, из которого омоним каждый раз может возникнуть заново. Написать следующий текст РИЛ — значит заново оказаться в этом условии; достигнет ли текст омонимического предела — зависит от того, совершится ли языковая игра на пересечении двух форм жизни, или русское слово останется по эту сторону встречи.

Заключение

Настоящая статья предложила ответ на вопрос, оставленный открытым в теории Романа Кацмана: что именно воспроизводит русско-израильский репликатор?

³⁰ Г.-Д. Зингер, *Всё, на что падает свет (теперечень)*, «Двоегочие» 2022, Иерусалим, с. 19.

Содержанием репликатора является генеративная ситуация — структурное условие, при котором русское слово, помещенное в новый культурный, географический и лингвистический контекст Израиля, приобретает способность производить смысл, не существовавший вне этого пространства. Кацман показал, что специфика Израиля — в миметическом кризисе, вызванном встречей с «чудовищным двойником»; наш анализ специфицирует, что этот кризис производит на уровне языка: условие, при котором русское слово оказывается вплетено в форму жизни, в которой оно прежде не существовало, и способно обнаружить в себе смысловой потенциал, невозможный в иных обстоятельствах.

Анализ трех авторов обнаружил не три иллюстрации одного и того же, а прогрессию уровней реализации. У Марголина оба условия генеративной ситуации присутствуют — разрыв и возвращение, — но русское слово не вступает в столкновение с ивритоязычным миром. У Бауха столкновение совершается, но остается тематизированным — событием внутри романного мира. У Зингер генеративная ситуация достигает своей предельной формы — омонима: русское слово само функционирует на пересечении двух языковых игр и производит смысл, не существующий ни в одной из них по отдельности. Омоним — не универсальное свойство РИЛ, а предельная возможность генеративной ситуации, описанная Гольдштейном как «вспышка» — то, чем русское слово в Израиле может стать, но не обязательно каждый раз становится.

Предложенная рамка позволяет также поставить вопрос о специфике новейшей волны РИЛ. После 2022 года разрыв приобретает новое качество: разрушено не столько само культурное пространство в России, сколько этические основания, позволявшие автору с ним соотноситься. Различие между Израилем и другими направлениями эмиграции после 2022 года точно сформулировано одной из героинь документального романа Линор Горалик «Исход-22» (2022 - электронная версия, 2025 - бумажное издание): «Те, кто оказался в Армении, в Грузии, в Стамбуле — они словно растения, вырванные из своей почвы. Они сами пытаются собрать вокруг себя корнями какую-то питательную среду. А нас просто пересадили в другую почву и сказали: Питайся и живи»³¹.

³¹ Л. Горалик, *Исход-22. Часть 4: Израиль. Май 2022*, <https://linorgoralik.com/exodus/israel.html> [дата обращения: 1.03.2026].

Предложенная метафора обозначает не только возможность укоренения в новой среде, но и возникающий при этом конфликт. В отличие от волн прошлого, новейшая диаспора зачастую стремится не собирать обломки, а перенести в новую среду целое здание своего прежнего, российского культурного пространства, активно сопротивляясь ассимиляции и пытаясь удержать привычную систему координат. Тем не менее, израильский контекст — та самая «другая почва» — обладает мощным гравитационным полем, игнорировать которое бесконечно, скорее всего, невозможно. Поэтому есть основания полагать, что новые реализации генеративной ситуации возникнут именно из этого неизбежного трения: из кризиса попыток законсервировать прошлое в пространстве, претендующем на то, чтобы быть для прибывшего своим. На пересечении этого сопротивления и непреложности иной формы жизни русскому слову предстоит заново определять себя.

Библиография

- Баух Е., *Лестница Иакова*, «Мория», Тель-Авив 2001.
- Баткин В., Молю, Господь, поэтов сохрани! Из цикла „Литературные портреты израильских поэтов“. Поэты Александр Воловик и Рина Левинзон, «Заметки по еврейской истории» 2011, № 12, <https://berkovich-zametki.com/2011/Zametki/Nomer12/Batkin1.php>.
- Витгенштейн Л., *Философские работы: часть первая*, Гнозис, Москва 1994.
- Генделев М., *Баллада*, в: *Из русской поэзии*, «Время», Москва 2006.
- Генделев М., *Литературный пасьянс русского Израиля*, «22» 1986, Октябрь.
- Гольдштейн А., *Расставание с нарциссом*, НЛО, Москва 1997.
- Горалик Л., Исход-22, часть 4: Израиль, май 2022. <https://linorgoralik.com/exodus/israel.html>.
- Зингер Г.-Д., *Как лорд Байрон, י"ד, вставший на сторону палестинских беженцев, поздравил себя по телефону в праздник Суккот. Подражание Адель Кильке*, «Скопус-2» 1990, Иерусалим.
- Зингер Г.-Д., *Осаждённый Ярусарим*, Гешарим / Мосты культуры, Иерусалим–Москва 2002.
- Зингер Г.-Д., *Всё, на что падает свет (теперечень)*, «Двоеточие» 2022, Иерусалим.
- Зингер Н., *Билеты в кассе*, Гешарим / Мосты культуры, Иерусалим–Москва 2006.
- Кацман Р., Неуловимая реальность: сто лет русско-израильской литературы, Academic Studies Press, Бостон 2020.
- Кацман Р., *К разговору о теории русско-израильской литературы. Начало. В преддверии выхода новой книги автора История русско-израильской литературы (Academic Studies Press, Boston)*, «Iudaica Russica» 2025, nr 1 (14), с. 1–27.
- Кацман Р., *Русско-израильская литература и чудовищный двойник*, «Iudaica Russica» 2023, № 2 (11), с. 1–24.

Кацман Р., *История русско-израильской литературы*, Academic Studies Press, 2026. In print

Марголин Ю., *Путешествие в страну Эка*, в 2-х томах, «Студия Клик», Иерусалим 2016.

Хазан В., *Европеец высокой пробы* (о писателе Юлии Марголине), «Sdvig / Shift» 2023, № 1, с. 15–74.